

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Галина
БАБАНАКОВА.

Для коллег она — Анна Степановна, для друзей — Аннушка, для близких — Нюра, Нюрочка, Нюрок. В эти дни телефон в гурьевской квартире Гавриленко звонит часто. На проводе — друзья, коллеги, близкие, соседи.

— Какая же ты молодец, Аннушка! — Нюрочка, родная, я по радио твою песню услышала. Спасибо тебе.

— Анна Степановна, я плакала, когда песня ваша звучала. Отца вспомнила. Он у меня шахтером был. Был...

— Анюта, не в службу, а в дружбу: напой мне хоть один куплет. Уж очень хочется еще послушать. Долго упрашивать Анну не надо. Напеваешь вполголоса.

Одари, шахтер, угольком горячим, Мы же хлеба вволю припасем. Без тепла душа сгинет и заплачет, А без хлебушка песни не споем.

Анна Гавриленко и очаровательные ребята из детсадовского театра мод, который тоже придумала она.

Налево — Шукшин, направо — Золотухин, а прямо — Евдокимов

О конкурсе на лучшую песню о шахтерах Анна узнала случайно. Просто встретился ей местный поэт и спросил:

— А вы свою песню отравили?

И удивился, что еще нет.

Хотя чего тут удивляться? Гурьевск — город металлургов, а не шахтеров. Правда, рабочие салаирского рудника (Салаир — спутник Гурьевска) причисляют себя и к металлургам, и к горнякам.

Это справедливо. И дело тут не в праздниках, а в состоянии души и в гордости.

У мужа Анны Александра отец всю жизнь на руднике работал. Должности у Сергея Сергеевича Гавриленко были разные. Даже в команде спасателей служил.

А еще есть дядя — Геннадий Иванович Нехорозев. Вот он — шахтер.

У отца (Анна зовет свекра папой) и у дяди брала Анна интервью. Чтобы темой горняцкой «заболеть», проникнуться. Чтобы слова в стихи легли, а стихи — на музыку.

Песня о шахтерах в творчестве (и репертуаре) Анны Гавриленко не первая. Редко какой концерт в Гурьевске обходится без нее.

— Она у нас звезда! — говорили мне ее земляки. — Наш самородок, наша гурьевская знаменитость.

И напевают поклонники Анны ее «Гурьевский вальс»: Загляните к нам в оконце,

Посидим за чайком и споем.

И про сосны, и про солнце,

И про Гурьевский наш район.

Но не все знают, что Анна вовсе не гурьяночка, хоть и влюблена в свой город, а город — в нее.

Анна родом с Алтая, из села Смоленского. Про местонахождение села Анна так говорит:

— Налево от нас, километров за шестьдесят, — Сrostки, родина Шукшина. Поедешь вправо — там родина известного артиста Золотухина, а если ехать к нам по прямой, то минуя малую родину Михаила Евдокимова.

Вот такая была у Анны аура...

А если серьезно, то талант ее — от мамы, от папы, от семьи и от... пещки.

Мама Анны Мария Калиникова и отец Сергей Васильевич были школьными учителями. Мама преподавала русский язык и литературу, а отец — историю и обществоведение.

Анна была у них седьмым ребенком. Всего — восемь.

Песни Аннушки

Как сейчас, так и раньше учителя жили небогато, но достойно. А семья Анны — еще и весело.

Все дети в семье играли на каком-нибудь инструменте. Кому инструмента не хватало, играл на кастрюле, на ложках или собственных губах.

Но какие замечательные домашние концерты и представления устраивали! Запевала обычно мама. Ах, какой у нее был голос! Ученики у окон толпились, слушали. Ведь жила-то большая семья прямо в школе. Или в пристройке, или в бывшем классе. Но — с печкой.

После восьмого класса поступила в педучилище. Жила в общежитии, довольствовалась малым. А по ночам прокрадывалась к залу, где стояло пианино, и училась играть. Уже тогда она подбирала музыку к своим стихам.

Она даже сочинения писала в стихах. Вначале, правда, получала двойки с припиской преподавателя: «Почему не указываете имя автора?»

Потом поверили: автор — она. И ставили пятерки с плюсом.

Преподаватели советовали Анне поехать в Москву, в пединститут имени Крупской. Не пустил отец.

— Проездишь деньги и не поступишь, — отговаривал он. — Я тебе другой институт нашел — кемеровский.

Тогда наш КемГУ был пединститутом.

Самый первый экзамен — сочинение — Анна тоже написала в стихах. И получила «отлично». Хорошо сдала и остальные экзамены. А ведь мечтала — завалить. Чтобы потом, проработав год, уже на свои деньги поехать в Москву.

Но она осталась в Кемерове. И стала не только лучшей студенткой, но еще и... артисткой. Правда, студенческой оперетты, студенческого «Сверчка» (вокальной группы), студенческой агитбригады. Без Анны, тогда еще не Гавриленко, а Печениной, невозможно было обойтись. Ее обожали, в нее влюблялись. А она? Она писала письма на

Алтай, в свое село, парню по имени Юра. Письма были хорошие, со стихами собственного сочинения.

Но ответов на них не было. Анна снова написала. И он... написал.

Только потом, после ссоры, выяснится, что письма от нее и от него были разведены... мостом, до окончания половодья и разлива рек — Би и Катунь.

Именно за этими двумя реками и лежало село Смоленское. А мосты тогда разводило надолго. Получилось, что Анна приехала домой вперед своих писем.

К тому времени она уже звала мамочку мамой и могла доверить ей свои стихи: «Девочку обидели, девочке больно...»

Ефросинья Андреевна и сама стихи сочиняла. Успокоила, в общем, Анну, что от судьбы не уйти.

Да и не любовь это была. Так, просто дружеские отношения с мальчиком из родного села. Как и с одноклассником по имени Володя. Сразу пять девочек — Анна в том числе — влюбились в... курточку Володы. По тем временам очень модную и несерьезную вещь. А Володя — не задавака вовсе — выбрал Анну. Подружились немного (Анна-то в педучилище уехала).

А потом все случилось, как в кино. Нет, даже не в кино, там всего напридумывать можно, а слово во сне. Спусти много-много лет...

На гурьевское предприятие приехала с проверкой авторитетная комиссия. Муж Анны Александр Сергеевич Гавриленко встречал членов комиссии. Так вот, один из представителей, увидев за спиной Гавриленко рисованный портрет Анны, спрашивает:

— Это ваша жена? А ее случайно не Анной зовут?

— Анна... Степановна.

— Так ведь она — моя первая школьная любовь, — улыбается подобранный член комиссии. — Вот бы встретиться. Только вы не ревнуйте, пожалуйста.

Александр не ревнует. У кого из нас не было школьной

и даже детсадовской любви...

В общем, тут же позвонил Александр Анне, заинтриговал. Она прибежала.

— Случилось что?!

— Случилось!

Узнали друг друга, посмеялись, вспомнив школьные годы чудесные. И были вопросы, которые она переложила на стихи и музыку.

Ну, как ты, Анна, снова на коне? На белом? Сером? Рыжем? Вороном?

Опять подковы ходят ходуном...

«О, Господи, еще раз помоги! Не дай мне силу духа потерять!»

Лето — время отпусков и загородных дач. Каникулы и в гостеприимном доме Гавриленко. Гитара Анны даже задремала без рук хозяйки.

А я прошу:

— Сыграйте, спойте что-нибудь свое...

Трогает струны, поет:

— Остановиться, оглянуться вдруг захотелось на пути. Кому-то снова улыбнуться, кого-то мимо не пройти. Кому-то вновь пожать бы руку, и мамой вновь мне маму звать. И мучиться сердечной мукой, и плакать по ночам опять...

«Плакать по ночам опять». Это она, конечно, о себе. О тех тревожных месяцах, тянувшихся, как год, когда ее сын Сергей был в Чечне. С танковой бригадой из Юрги. Сергей — в командирах. За всех в ответе, за каждую жизнь.

Потом, когда он вернется из Чечни — с боевой наградой, Анна прочтет его записи в толстой тетради. Здесь будут и сводки о потерях, и... стихи. Его стихи — о войне, о солдатах, чести и долге. А еще стихи о друге Сергея, который «сгорел в уголек». На память о нем — спекшийся кусочек железа от боевой машины. Сергей все ждет того дня, когда он сможет отдать этот «уголек» матери друга. Пока не может, не в силах.

«Уголек» хранится у Анны.

В дни, когда ее приглашают спеть на концертах ветеранов всех войн — Великой Отечественной, афганской, чеченской, — Анна берет с собой отцовский орден, афганский талисман — большого игрушечного верблюжонка и вот этот застывший, но обжигающий сердце «уголек». Пока она поет под аккомпанемент своей гитары, люди передают «уголек» по рядам.

Вот и Анна гладит сейчас спекшийся кусочек и говорит, что она, конечно же, не думала о войне, когда отправляла двух своих сыновей в суворовское училище. Сначала старшего — Евгения, а потом и младшего — Сергея. Разница в возрасте между братьями всего полтора года. Оба живут сейчас на Алтае. Старший ушел на гражданку, а младший — подполковник — продолжает служить. Но оба, как и Анна, и как их отец Александр Сергеевич, хорошо поют, играют, сочиняют.

Про мамину песню о шахтерах, присланную на конкурс, сыновья конечно, знают. Поздравляют. Спросите, с чем? Ведь итоги еще не подведены, и участников конкурса, то есть конкурентов, немало. Но все равно для семьи Гавриленко, для родных и знакомых песня Анны останется лучшей. И все равно она уже подарена всем шахтерам.

Ты возьми в забой каравай душистый, Низко поклонись матушке-земле, Тихо помолись словом добрым, чистым, Чтоб жилось тебе в радости, в тепле.

Она, перестав петь, и сама молится:

— Но пуще всего, земля-матушка, прошу я, чтобы ты не забирала в свои земляные объятия наших отцов, мужей, братьев.

От сердца слова — выстраданные, выплаканные. Будто действительно и она, Анна, только и делала, что встречала кого-то и провожала. Провожала и встречала.

«Этот дом — теплый дом, Вместо печки — радость в нем»

Последние годы ее творческой трудовой деятельности — детсад. А до этого в школе работала — учителем пения и рисования. И городским хором педагогов руководила, многократно выводила его в лауреаты различных конкурсов. Гора (именно гора, со счета сбивается) дипломов, Почетных грамот, благодарственных писем в квартире у Анны. Впору музей ее творческих побед и достижений открывать.

Потом Анна руководила городским отделом культуры. И снова — дипломы, концерты, конкурсы и... заявление об увольнении по собственному

желанию. Потому что был выбор — между семьей, маленькими сыновьями и, считай, круглосуточной работой. Она выбрала первое — семью, мужа, сыновей. Но с самодеятельной сцены не ушла. Как и вообще с работы.

Удивляется, почему сразу не стала работать в детском саду.

Идет недавно по одному из дворов, а ее окликает молодая женщина. Вроде незнакомая.

— Анна Степановна, а вы помните, как мы в этом дворе с концертом выступали? Вы нам на баяне играли, а мы пели. Да и вы с нами пели тоже. Помните?

Вспомнила. И подумала, как же быстро вырастают дети. Вот и в садике уже столько выпусксов было. И сколько раз был исполнен детсадовский гимн на слова и музыку Анны Гавриленко.

Победив в областном конкурсе детсадовских воспитателей «Лесенка успеха», Анна была премирована поездкой в Санкт-Петербург на всероссийский конкурс воспитателей. Рассказывала там, как в своем детском саду она придумала «Понарошкин мир». Только в мире этом все по-настоящему. И даже свои констудии есть: «Киношка» — для старших, «Мультишки» — для средних и «Телевичок» для самых маленьких.

Многие корреспонденты писали тогда (я читала) про удивительного воспитателя-логопеда Анну Гавриленко из глубокой (по столичным меркам) провинции. Вот там, в Санкт-Петербурге, она и обнародовала свой детсадовский гимн:

Теплый дом — светлый дом,

Вместо окон — солнце в нем,

Вместо дров горит свеча,

В унисон сердца стучат.

И разлетелся гимн по свету, по стране по теплым детсадовским домам.

А ребята из Малайя Салаирка, где никаких шахт и разрезов поблизости нет, затаив дыхание, слушают рассказ Анны Степановны о шахтерах, благодаря кому всегда тепло. И о том, какая трудная у шахтеров работа.

— Надо звезды в шахте повесить, — предложил один мальчик.

— А еще надо придумать такую машину, чтобы уголь мыла. Чтобы легко шахтерам дышалось, — помечтал другой мальчик.

А сама Анна Степановна придумала добрую песню. И, словно каравай, с поклоном преподнесла ее шахтерам. Слушаешь — и будто чистую родниковую воду пьешь: «Одари, шахтер, угольком горячим, мы же хлеба вволю припасем...»